

Ex Cathedra
Современные методы изучения культуры

Сборник статей

Москва
2012

УДК 008.001(08)
ББК 71я43
2 Е 96

Составители: *О.В. Гавришина, Ю.Г. Лидерман,
М.С. Неклюдова, А.А. Олейников*

Художник *Михаил Гуров*

Во внешнем оформлении использован
фрагмент рисунка *Ильи Кабакова*

ISBN 978-5-7281-1285-3

© Российский государственный
гуманитарный университет, 2012

Содержание

От составителей.....	9
I	
Рассуждение о методе	
<i>И.В. Кондаков</i> Архитектоника культуры как метод культурно-исторического анализа.....	15
<i>Л.Д. Гудков</i> Метафорические структуры в системах социального взаимодействия: 10 тезисов о социальной природе метафоры	28

II
Наставление в культуре

<i>А.В. Каравашкин</i> «Фатализм» Владимира Мономаха: уникальный опыт самопознания на рубеже XI–XII вв.	41
<i>В.Г. Безрогов</i> «Если завтра война, если завтра в поход»: патриотическое воспитание в советской и постсоветской начальной школе, или Почему нельзя иметь вторую Родину	53
<i>Б.В. Дубин</i> Другая история	65
<i>Б.Е. Степанов</i> На грани: рефлексия о политике в культурологическом образовании	76

III
Исторические интерпретации

<i>К.Ю. Ерусалимский</i> Давид Бельский и этос изменника	91
<i>М.С. Неклюдова</i> Танец с мумией: авторские интенции в контексте и вне контекста	106
<i>А.А. Котомина</i> Три андроида из Невшателя и педагогические идеи Ж.-Ж. Руссо	119

IV
Слова и вещи

<i>Ю.А. Асоян</i> «Культура себя»: к генеалогии одного понятия Мишеля Фуко	137

<i>С.Н. Зенкин</i> Исторические идеи и мыслительные схемы: к поэтике интеллектуального дискурса	154
<i>А.М. Перлов</i> Культурология и междисциплинарность в базовых представлениях профессиональных сообществ	167
<i>В.Н. Мерзлякова</i> Новое в культуре: слова и практики	180

V
Визуальные практики

<i>О.В. Гавришина</i> Археология медиа: обратимость взгляда в фотографии	193
<i>Е.В. Петровская</i> Документ: факт и вымысел	207
<i>Ю.Г. Лидерман</i> «Дневник моей матери» и театр советских действий	219
<i>С.А. Яценко</i> Репрезентация «иных»: достоверность, стилизиция и стереотипный облик азиатских «варваров» в греко-римско-византийском и раннесредневековом китайском искусстве	235
<i>В.В. Зверева</i> «Поместье сурикатов»: способы представления природного мира на телеканале «Animal Planet»	248

Б.Е. Степанов

На грани:
рефлексия о политике
в культурологическом образовании

Один из упреков, который высказывался отечественной культурологи, касался ее деполитизированности. В этом критики видели принципиальное отличие культурологического знания от того, которое производится в рамках западных культурных исследований¹. Обратной стороной этой деполитизированности, симптоматичной в плане неспособности знания о культуре к рефлексии в отношении актуальных для современного общества проблем, можно считать и неосмысленность идеологических функций, которые это знание реализуют в современном российском обществе². Разумеется, речь не идет о том, что критический потенциал знания о культуре неизбежно связан с прямыми политическими высказываниями, а поиски культурной альтернативы – с политической оппозиционностью³. Однако, как представляется,

© Степанов Б.Е., 2012

76

II. Наставление в культуре

нельзя не заметить своего рода глубинного отторжения от политики, существующего как на уровне повседневного ее восприятия, так и в отношении к ней гуманитарного сообщества. Исходя из этого в рамках культурологического образования мне представлялась целесообразной специальная работа, которая способствовала бы освобождению знания о культуре от такого рода синдромов⁴.

Одна из возможных стратегий разворачивания такого рода работы была представлена в курсе «Политика и культура в гуманитарном знании XX века», разработанном для Института европейских культур (ныне ВШЕК)⁵. Задачами его являются устранение ложных оппозиций между культурой и политикой и демонстрация возможностей взаимодействия между политологической и культурной рефлексией как перспективами описания (пост)современности⁶. Он апеллирует к готовности студентов, сохраняя открытость по отношению к трагическому опыту XX в., признать «политическое» как обозначение горизонта вменяемости общества, к их способности/желанию определять себя по отношению к социальному порядку и вместе с тем добиваться рефлексивности этих определений⁷. Об этом писал в свое время К. Лефор, спрашивая: «...возможно ли с тонкостью применять онтологическое различие, творить чудеса в комбинированном использовании Хайдеггера, Лакана, Якобсона и Леви-Стросса и возвращаться к самому заносчивому реализму, как только речь заходит о политике?»⁸.

Признавая вслед за Лефором первичность политического различия как различия между хорошим и плохим общественным порядком, необходимо вместе с тем обозначить это различие в том пространстве проблематичной нормативности, в котором разворачивается современная рефлексия о культуре. Примером здесь может стать принципиальное для этической и политической рефлексии о современности противопоставление демократии и тоталитаризма. С одной стороны, этическая оценка тоталитаризма должна быть выражена в констатации особенностей этого социального и политического порядка (в частности характеристики политики при тоталитаризме), которые принципиально отличают его от демократии и позволяют осмыслить ту мутацию, которая ведет к трансформации демократии в тотали-

Б.Е. Степанов

77

таризм. С другой стороны, требуют учета как внутренняя неоднородность тоталитаризма, различия между тоталитарными режимами, так и эмпирические трудности проведения однозначной границы между тоталитаризмом и демократией⁹ и, наконец, возможности взгляда на тоталитарный порядок снизу, поиска иной антропологии, которая выбивается из расхожих представлений об абсолютной зомбированности человека в тоталитарном государстве¹⁰. Наконец, еще один уровень рефлексии связан с проблематикой памяти о тоталитаризме, возможностями удержания и передачи этого опыта в общественном сознании, практикой проработки прошлого и неоднозначности его результатов, спорами историков о холокосте и т. д.¹¹

Формирование пространства перевода рефлексии о культуре на язык рафинированной политической рефлексии побуждает обратить внимание на культурно ориентированные области и направления политической мысли XX в. При этом имеются в виду не только такие признанные направления политологии, как исследования политической культуры, но и не столь востребованные в соответствующих курсах проблемные поля, допустим, политическая антропология и, в еще большей степени, новая политическая история. Между тем инкорпорирование последних кажется существенным не только в связи с тем значением, которое имели реабилитация политики в исторической науке или обращение к ней в антропологии. Здесь важно указать и на влияние этих направлений исследований на формирование новых представлений о «политике» и «современности»¹².

Обсуждение культурных аспектов политического порядка и организации политического воображения современности невозможно без обращения к проблематике нации и национализма, которая является узловым моментом современной культурно-политической рефлексии. Сохранение политического значения термина «нация», о необходимости которого пишут многие современные исследователи, требует постоянного дискурсивного самоконтроля, который препятствовал бы употреблению его в значении этнического как примордиального. Характеристика возникновения наций в контексте становления современного политического

порядка позволяет не только инвентаризировать взаимодействие различных – экономических, властных, коммуникативных – факторов в этом процессе, но и обратиться к анализу собственно символической работы, которая формирует матрицу принадлежности человека к «воображенному сообществу» и осознания отличий от представителей других подобных сообществ. Вместе с тем ситуация кризиса нации как политической и культурной формы эпохи модерна требует обсуждения альтернативных проектов культурно-политической рефлексии, связанных с падением колониализма, процессами глобализации и т. п. Речь идет, с одной стороны, об идее империи, ее политических и научных проекциях, а с другой – об альтернативных формах присвоения национального прошлого. Ярким примером последнего может служить проект изучения «мест памяти» П. Нора.

Максимальное приближение тематики данного курса к практике культурологического анализа достигается в связи с обсуждением возможностей анализа медиатекстов. Здесь мы обращаемся не только к постановке вопроса о политическом значении медиа в принципе (проблематика взаимности коммуникации, публичной сферы, общественного мнения и т. д.) и их роли в формировании политического сообщества, но уже непосредственно к анализу того, как определенные тексты воспроизводят, репрезентируют и легитимируют тот или иной политический порядок. В этом анализе должны быть задействованы наряду с традиционными для политической науки новые методы анализа идеологии. Обращение к арсеналу разработанных современными культурными исследованиями подходов (феминистского, постколониального и т. д.) и методов анализа (нарративного, дискурсивного, визуального и т. д.) позволит раскрыть менее очевидные и в большей степени имплицитные идеологические эффекты медиакоммуникации.

В качестве примера развертывания такого рода эмпирического анализа можно привести разработанный для данного курса case-study, связанный с репрезентацией бесланских событий 1–3 сентября 2004 г. в российских газетах. То, что этот сюжет до сих пор не получил внятной аналитической разработки, весьма

показательно, если иметь в виду отмеченную выше деполитизированность современной культурологии. Между тем событие показательно с точки зрения характера взаимодействия власти и общества в России: на фоне пассивности политических лидеров и двусмысленности их действий в ходе разрешения самой ситуации явными выглядят усилия по дальнейшей эксплуатации этого события, административной (усиление властной вертикали) и символической (использование его для задач собственной легитимации)¹³. В силу специфики избранного подхода меня в данном случае не интересует ни структура принятия политических решений, ни природа терроризма как феномена современной политики. Газетные публикации высвечивают природу пространства коммуникации в горизонте чрезвычайного трагического события, позволяют выяснить, каковы имеющиеся у общества ресурсы понимания данной ситуации, формы реакции на нее и средства репрезентации последней¹⁴. Этот подход может быть развернут в нескольких планах анализа. Как известно, одной из важнейших функций СМИ в медиаисследованиях считается помимо «установления повестки дня» воспроизводство привычного образа социального мира. Применительно к чрезвычайному событию необходимо определить, до какой степени оно вторгается в «повестку дня» и меняет рутинную организацию пространства данного издания, позволяя тем самым говорить о значимости данного события¹⁵. Другой аспект проблемы связан с характером рефлексивности сообщений: речь идет об имплицитном образе читателя, о том, какие средства рефлексии ему предоставляются, как отражается/оценивается деятельность других информационных каналов (прежде всего телевидения) и, наконец, какую прагматику предполагает данная информация. Следующий круг вопросов связан с различиями в стратегиях конструирования образа события в разных изданиях. Эти стратегии задаются способом идентификации круга участников события, реконструкцией их взаимодействия и той политической и исторической перспективой, в которую это событие встраивается. Соответственно речь идет об идентификации «нас» и «их», о тех основаниях, символах и фигурах, вокруг которых обществу предлагается консолидироваться, от имени кого и как

формулируются призывы к единению. Здесь опять-таки принципиальным моментом является чрезвычайность данного события, которая требует постановки вопросов о том, претерпевают ли позиции изданий или авторов какую-то реконфигурацию, а также о том, как авторы переводят свою эмоциональную и личную оценку в слова, каким образом в высказывании удерживается трагическая событийность случившегося. С этим же связана проблема, насколько единым или дифференцированным в конечном итоге предстает дискурсивное пространство в разных изданиях. Другой аспект проблемы касается определения нормативности, т. е. утверждения необходимости пересмотра принятых в обществе норм права и морали или, наоборот, стремления к их удержанию.

Сравнение выпусков ряда центральных газет позволяет говорить о том, что принципиальная отмена привычных способов организации материала происходит лишь в единичных случаях. В официальных изданиях (например, в «Российской газете» и «Труде») информация о кровавой развязке захвата заложников соседствует со спортивными новостями («Ярцев не ушел в отставку») и прогнозами погоды («Осень хмурится»). Еще сильнее эта тенденция выражена в изданиях, более близких к типу таблоидов, где наряду с информацией о главном событии на первой странице – не только экспресс-новости и реклама, но и анонсы репортажей из Беслана, которые должны появиться в ближайших выпусках («Московский комсомолец»)¹⁶. Примеры взаимоисключающего характера дают нам «Новая газета», «Известия» и «Новые известия». Режим чрезвычайности здесь был обозначен и выделением части номера или номера в целом (в «Новых известиях» за 6 сентября 2004 г.) под материалы о теракте, и огромными шокирующими фотографиями (иногда на целую полосу), представлявшими трагедию¹⁷. Различие в визуальной политике изданий связано с дистанцией по отношению к событию, которая устанавливается фотографическими образами. Именно фотографии жертв (завернутых в целлофан трупов) репрезентируют предельную и шокирующую очевидность случившегося. Фотографии скорбящих родственников говорят о случившемся более опосредованно и в большей степени склоняют к эмоциональному

сопереживанию. Еще одна стратегия связана с переводом случившегося в модус памяти – представление фотографий жертв или руин бесланской школы. Наконец, наибольшую дистанцию устанавливают обобщенные символические образы скорби¹⁸, преобладание которых характерно для изданий, представляющих официальную позицию.

В целях оценки стратегии каждого из изданий полезно обратить внимание на тот набор рефлексивных средств, которые в каждом случае были предоставлены читателю для понимания ситуации. Так, материалы «Труда» за 7 сентября практически не содержат попыток восстановить картину произошедшего 3 сентября¹⁹ посвящены преимущественно описанию траурных мероприятий в Беслане и проблемам изживания травмы²⁰. Отсутствует и аналитический комментарий, позволяющий осмыслить социальную и политическую подоплеку причин произошедшего. Эту функцию здесь выполняет только послание президента. Аналогичная стратегия характерна и для гораздо более агрессивного по духу «Московского комсомольца». Главный репортаж номера сделан в жанре журналистского расследования и посвящен судьбе одного из главарей террористов, осетина по происхождению В. Ходова. В отличие от этих изданий «Новая газета» помещает подробный отчет о том, как разворачивались события, сопровождая его картой-схемой, позволяющей представить себе размещение и передвижения основных участников событий. Среди публикуемых в газете материалов есть и комментарии военных экспертов, помогающих осмыслить как причины произошедшего в Беслане, так и предпринятые в ответ на это шаги властей. Отдельно следует отметить и характер рефлексии в отношении телевизионной репрезентации теракта: в материале «Новой газеты» в отличие от упомянутых выше изданий последовательно ставятся вопросы не только о распространявшейся телеканалами лжи относительно количества заложников и об отсутствии синхронной трансляции, но также и о неадекватности телепоказа, возникавшей как в результате сохранения привычной сетки на основных телеканалах, так и в случаях ее экстренного изменения.

Что касается собственно идеологической конструкции события, то здесь отправной точкой для анализа можно считать оценку действий власти в Беслане и предложенного ею определения ситуации. Принятие этого определения выразилось и в публикации обращения президента к нации, и в вынесении цитат из этого обращения в качестве эпиграфа к публикациям номера, и в обращениях к представителям законодательной и исполнительной власти как источникам экспертной оценки и обладателям ресурсов для воздействия на ситуацию. Собственно символическая работа заключалась в удержании фигуры Путина как объекта символической идентификации. Основной стратегией этой работы можно считать отделение президента от «продажной» власти, которая обвинялась в попустительстве теракту, и готовность воспринимать первого как инициатора чрезвычайных мер в отношении общества²¹. Это сопровождалось демонстрацией тотальности угрозы (ситуация «войны»²²) и признанием фиктивности российской демократии, недоверием к гражданским формам политического действия и мечтами о «реальном», «подлинно народном» и жестком проявлении воли большинства, например, в форме народной ВЧК, которая осуществила бы акты мщения в отношении семей международных террористов²³. Характерно, что эта интеллектуальная конструкция обсуждалась (разумеется, с определенными вариациями, которые касались, например, оценки позиции Запада в отношении к бесланским событиям или необходимости введения контроля над СМИ) приверженцами достаточно разных идеологических платформ: мы находим ее и в сугубо официальной «Российской газете» в статье демократически ориентированного автора, и в радикальных «Завтра» и «Спецназе России»²⁴. Соответственно альтернативная позиция будет представлена теми, кто в большей степени делал акцент на вине общества перед жертвами теракта²⁵, на возможности иного, связанного с переговорами сценария развития бесланских событий, на альтернативных фигурантах этих событий (таких, например, как Р. Аушев). В более общем плане речь идет об ответственности власти, не исключая и ее лидера, за события в Беслане и о критической позиции, с необходимостью вытекающей из их осмысления, о том, какой

должна быть гражданская активность, призванная стать ответом на теракт²⁶.

Анализ медийной реакции на бесланские события 2004 г. может служить примером перевода политической рефлексии на язык культурного анализа. Последний, в отличие от традиционной политической экспертизы, побуждает не только задуматься об обществе и его культурных ресурсах, которые оказываются высвечены внезапно случившейся трагедией, но и задаться вопросом о возможности удержания и выражения собственной этической позиции.

¹ См., например: *Усманова А.* Гендерная проблематика в парадигме «культурных исследований» // Введение в гендерные исследования. Ч. 1: Учебное пособие. Харьков: ХЦГИ, 2001. С. 432–434.

² Деполитизированная культурология не способна и к адекватному представлению собственной традиции, поскольку в целом ряде текстов классиков современных исследований культуры, таких как В. Беньямин, Р. Барт, М. Фуко, Ж. Бодрийяр и другие, присутствует совершенно отчетливое политическое послание.

³ Замечательным образцом культурно-политического анализа, призванного обозначить границу между наукой и идеологией, являются работы Г.И. Зверевой, посвященные критике российской историософии.

⁴ Классическим примером такой работы может служить статья К. Гирца (см.: *Гирц К.* Идеология как культурная система // Новое литературное обозрение. 1998. № 29. С. 7–38).

⁵ Одну из ранних версий программы курса см.: *Степанов Б.Е.* Политология: Политика и культура в современном гуманитарном знании // ИЕК: Программы учебных курсов. М., 2008. С. 44–61.

⁶ Это предполагает проработку культурных и политических аспектов исследовательского словаря cultural studies, включающего понятия «идентичность», «репрезентация» и т. д.

⁷ В связи с этим важно подчеркнуть, что формируемое таким образом знание будет соотноситься не с позицией эксперта, но с описанной А. Шюцем принципиально антитехнократической позицией «хорошо

информированного гражданина». Эта последняя, на мой взгляд, соответствует и характеру ангажированности, присущему «cultural studies».

⁸ *Лефор К.* Вопрос о демократии // Лефор К. Политические очерки XIX–XX века. М., 2000. С. 16.

⁹ Ср., например, с одной стороны, поиск тоталитарных оснований западных обществ в философии второй половины XX в., с другой – анализ общих тенденций в модернизационных трансформациях тоталитарных и западных обществ в американской историографии.

¹⁰ Ср., например, подход к анализу советского человека в работах Н.Н. Козловой. Тем самым мы подходим к сюжету об антропологических аспектах политического воображения.

¹¹ Стоит ли говорить, что описание «поля политики» и изменения характера политического действия, подводящие к квалификации современной политики как посттоталитарной (показательным в этом отношении является феномен новых общественных движений, выдвигающих на первый план проблематику образа жизни и культурного сопротивления), чрезвычайно важны для контекстуализации традиции cultural studies.

¹² См., например: *Баландье Ж.* Политическая антропология. М., 2001.

¹³ Эти усилия предпринимались как правящими, так и оппозиционными структурами. Так, лидер коммунистов Г. Зюганов, откликаясь на события в Беслане, призвал назначить днями противостояния террору 3–4 октября, т. е. годовщину разгрома парламента, произошедшего в 1993 г. Одним из наиболее циничных проявлений символической работы государственного аппарата можно считать показанный 10 ноября 2004 г. праздничный концерт к Дню милиции. В нем песня-воспоминание о трагедии в Беслане была встроена в череду концертных номеров, в которых сотрудникам МВД предлагалось узнать себя в светлых образах милиционеров, созданных советским кинематографом. О жанре концерта в постсоветской политической культуре см.: *Зверева В.* Праздничные концерты: старый канон на новом ТВ // Pro et contra. 2006. Т. 10. № 4 (июль–август). С. 38–49.

¹⁴ О значении «чрезвычайного» для определения политического см.: *Филитов А.Ф.* Пространство политических событий // «Полис». 2000. № 2. С. 6–25.

¹⁵ В частности меняется ли соотношение текста и изображения, какую роль играет изображение и т. д. Кроме того, важно учитывать, как

меняются высказывания по мере удаления от случившегося, как скоро событие утрачивает актуальность и т. д.

¹⁶ Наиболее ярким выражением этой ситуации можно считать подзаголовок в газете «Аргументы и факты» (2004. № 36. 8 сентября): «ТВ программа, кроссворд, как пережить беду...»

¹⁷ Как известно, эти публикации стали поводом для увольнения главного редактора «Известий» Р. Шакирова, которое для многих наблюдателей стало симптомом усиления цензуры. Нужно оговориться, что, с одной стороны, показ завернутых в целлофан трупов не был прерогативой исключительно оппозиционных по отношению к официальной позиции изданий, с другой – то, что критически настроенные издания, такие, например, как «Московские новости», вообще не прибегли к этому средству воздействия на читателей.

¹⁸ Примером может служить фотография на первой странице газеты «Труд» за 7 сентября: гвоздики и детская игрушка, лежащие на мостовой.

¹⁹ За исключением неакцентированных упоминаний об этом в заглавном материале номера, эту тему затрагивает лишь интервью с М. Маркеловым с характерным названием и подзаголовком «Есть две версии... (Даже гроза могла спровоцировать большую кровь)».

²⁰ Опять-таки характерны заголовки материалов: «Многое предстоит переосмыслить», «Обществу нужно привыкать к новому состоянию», «Требуется психиатрия быстрого реагирования».

²¹ О существовании подобных настроений свидетельствуют и данные опросов и фокус-групп, на которые опирается, в частности, А. Левинсон (см.: *Левинсон А.* Надолго ли? // *Неприкосновенный запас.* 2004. № 37. С. 49–53.

²² Здесь будет иметь значение, с одной стороны, нагнетание образа врага, с другой – использование символических ресурсов образа войны, прежде всего Великой Отечественной.

²³ См.: *Усенков О.* Образ солдата с младенцем // *Спецназ России.* 2004. № 9. С. 7.

²⁴ Ср. также высказывания Г. Павловского, А. Чадаева и других в «Русском журнале». О дальнейшем развитии этой линии см.: *Тарасов А.* Нашлась, родимая! // *Индекс/Досье на цензуру.* 2005. № 22. <http://www.index.org.ru/journal/22/taras22.html>. Нагнетание образов «чрезвычайного положения» и идей «жесткой руки», готовность отбросить этические и

правовые условности показательны на фоне нечеткости действий власти и отсутствия режима чрезвычайности в информационной политике изданий. Аналогичная реакция была весьма заметна и во время российско-грузинского конфликта в августе 2008 г.

²⁵ Ср. заголовки в «Новых известиях» (6 сентября 2004) – «Простите нас» и «Новой газете» (6 сентября 2004) – «Прощайте и простите».

²⁶ Объективность анализа требует также привлечения сравнительных данных об информационной политике западных СМИ. См. об этом выступление В.А. Тишкова в сб. «После Беслана: Дискуссия российских и американских экспертов. – М.: б. и., 2005. http://valerytishkov.ru/cntnt/publikacii3/publikacii/terror_i_m.html. Ср. также: Журналистам ВВС запретили называть захватчиков школы в Беслане террористами // *Полит.ру.* 7.09.2004 – <http://www.polit.ru/news/2004/09/07/rebels.popup.html>